

Православие как судьба

**ИНДОНЕЗИЙСКИЙ
СТУДЕНТ О СВОЕМ
ДУХОВНОМ ПУТИ
И ВПЕЧАТЛЕНИЯХ
ОТ РОССИИ**

Традиция получения образования в российских духовных школах иностранными студентами имеет давние корни. В XIX веке Россия оказалась не только оплотом Православия в мире, но и центром церковного образования. Начиная с 1850-х годов в российских духовных академиях и семинариях получали образование греки, болгары, сербы, черногорцы, а также сирийцы. Одни из них после учебы возвращались на родину, другие оставались в России. Среди иностранцев-выпускников были будущие архиереи, богословы, церковные деятели. Сегодня среди иностранцев по-прежнему популярна идея получения богословского образования в России. Какое применение они планируют найти знаниям, полученным в российской духовной школе, легко ли дается изучение предметов, о чем они мечтают и планируют ли служить на родине, отправился выяснять корреспондент «Журнала Московской Патриархии» в Санкт-Петербургскую духовную академию.

Трудный русский

Академический храм во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова. На Божественной литургии в день праздника Входа Господня в Иерусалим собрались студенты академии и постоянные прихожане. В храме немногочисленно, заметны отголоски пандемии — не все студенты приступили к очному обучению. А тем временем все собравшиеся усердно молятся, не слышно привычного шепота или обмена приветствиями. Замечаю в стороне от меня группу молодых людей, которая отличается от всех остальных...

— Это наши студенты из Индонезии и Филиппин, — тихонько подсказывает декан и старший преподаватель факультета иностранных студентов Санкт-Петербургской духовной академии Надежда Васильевна Колесникова, — они всегда молятся за богослужениями возле особо почитаемой Царскосельской иконы Божией Матери «Знамение».

После службы Надежда Васильевна проводит меня по зданию духовной академии и показывает аудитории, где учатся студенты из других стран.

— Все мои студенты регулярно, без опозданий приходят в храм, им не надо напоминать или предупреждать их заранее, — делится Надежда Васильевна. — Во время богослужений студенты нашего факультета читают «Трисвятое» по «Отче наш», пономарят, трудятся в трапезной, как и все остальные. Никогда не отказываются от послушаний.

Видно, что Надежда Васильевна готова часами рассказывать о своих подопечных. Студентов факультета, у которых все родные и близкие очень далеко, она окружила настоящей материнской заботой.

— На подготовительном отделении иностранные студенты обучаются в течение двух лет, — объясняет Надежда Васильевна. — Первый год они изучают только русский язык, подтягивая знания до базового уровня. В течение второго года они продолжают изучение языка, а также осваивают основную программу отделения, в которую входят: библейская история, катехизис, литургика, история Отечества, церковнославянский и английский языки. В конце обучения все сдают экзамены по русскому языку и по богословским дисциплинам.

В коридоре мы встречаем иностранных студентов и все вместе идем в аудиторию, где проходят занятия.

— Правда ли, что русские редко улыбаются? — спрашиваю ребят на ходу.

— Да! — решительно отвечает Стефан.

— Ну, не всегда... — не согласен Лев.

— В основном да, — подытоживает Кирилл.

Ребята перебивают друг друга и смеются.

— А филиппинцы и индонезийцы много улыбаются?

— Всегда!

До начала занятия мы успеваем поговорить о впечатлениях студентов от обучения и проживания в Санкт-Петербурге.

Надежда Васильевна Колесникова, декан и старший преподаватель факультета иностранных студентов Санкт-Петербургской духовной академии

— Какие сложности испытывали в освоении русского языка? — интересуюсь у них.

— О, грамматика!

— Падежи, глаголы...

— Произношение, ударения...

— Да всё!

Больше всего эмоций вызывает вопрос о местах, в которых им уже довелось побывать. На помощь приходит Надежда Васильевна.

— В основном на каникулах мы всегда посещаем музеи и монастыри, — поясняет декан. — Ездили в Тихвин, Кронштадт, Александро-Свирский монастырь. Но и здесь, в Петербурге, студенты могут самостоятельно выйти в город и сходить в музей, даже если я не могу сопроводить их. В Санкт-Петербурге студенты посещали Иоанновский монастырь, часовню святой

блаженной Ксении Петербургской, Исаакиевский собор, храм Спаса на Крови, Николо-Богоявленский и Преображенский соборы. Все мы были в Эрмитаже и собираемся вновь. Всего и не вспомнить. Вот, например, трое наших студентов: Лев Гондая, Кирилл Беналон и Дмитрий Ситумеанг — жили целый месяц в Пскове и Псково-Печерском монастыре. На ближайших каникулах собираемся посетить Петергоф.

— А что вас больше всего поразило в русской культуре? — спрашиваю у ребят.

— Русская кухня, — отвечает Кирилл и улыбается. Остальные согласно кивают.

— Масленица! — подключается Дмитрий. — Или когда люди окунаются в реку на праздник Богоявления. Но самое удивительное в русской культуре — это Православие.

Ничего себе!

Надежда Васильевна, улыбаясь, уходит по делам, ребята — на занятия, а я остаюсь выяснять у молодого человека, чем его так поразила православная жизнь в России.

Предложили принять ислам

Дмитрий Ситумеанг родом из Индонезии. Сейчас ему 29 лет.

Отца Дмитрия зовут Гасуднган Ситумеанг, а мать Салавати Симамора. Они протестанты и до сих пор живут в небольшой индонезийской деревушке, где Дмитрий появился на свет. В детстве он жил с бабушкой и дедушкой, а когда дедушка умер, переехал жить к дяде. В 2013 году получил специальность «экономист» в Университете Северной Суматры в Медане (University of North Sumatra). Но по специальности Дмитрий поработать не успел. Дело в том, что незадолго до окончания вуза он узнал о Христе.

— Впервые я услышал о Православии от протестантского проповедника, — вспоминает Дмитрий. — Сначала он рассказал о Христе, затем о Вознесении Христовом и об истории первого храма. Мне стало интересно, и я начал самостоятельно изучать статьи о православной вере. Стал посещать храм преподобного Сергия Радонежского в Медане, где впоследствии крестился.

Мои дядя и тетя мусульмане. Вопрос религии в Индонезии очень важен в привычном укладе семьи, и несколько лет назад они предложили мне принять ислам. Я объяснил, что я не могу, ведь Христос наш Спаситель. К сожалению, мои дядя и тетя не смогли принять мой выбор и попросили меня покинуть их дом. Медан — большой город, в нем живет свыше двух миллионов жителей. В то время я работал в перспективной компании, занимающейся экспортом различных товаров народного потребления, но поскольку в свое время на эту должность меня устроил мой дядя, работы я лишился сразу.

В Россию

Около года новокрещеный индонезиец жил в Медане при храме и у него не было постоянной работы.

— Это был самый тяжелый период, — вспоминает он. — Я тосковал по родным и однажды решил позвонить своей бабушке, по которой

*Студенты
в Донском
монастыре
на архиерейской
хиротонии
епископа
Джакартского
Питирима*

очень скучал. В разговоре она призналась, что очень хочет, чтобы я вернулся домой. Я от всей души рассказал ей о Православии все что только мог, но она только горько вздыхала и не поняла меня, так как уже очень старенькая. После этого мне стало на сердце еще тяжелее.

Вскоре Ситумеанг вынужден был перебраться из Медана в Джамби. В этом городе на острове Суматра нет православного храма, и юный христианин ездил на службы в католический костел, но не причащался там.

— Я плакал и молился Богу, чтобы Он помог мне, — продолжает Димитрий. — Наконец я перебрался в Джакарту и нашел работу администратором в католической больнице. Я получил стипендию от Католической Церкви на обучение. Жизнь как будто начала налаживаться. Но вскоре мои новые друзья стали настойчиво предлагать мне принять католицизм. Но я очень любил Православие и никак не мог стать католиком. Поэтому я очень обрадовался, когда узнал, что я могу учиться в православной семинарии.

В 2019 году Ситумеанг вернулся домой и рассказал отцу и матери, что хочет учиться в России. Родители, по его словам, пришли в ужас.

Они понятия не имели, где находится эта незнакомая им страна, и не хотели, чтобы сын учился «на краю света». Но поскольку для Дмитрия это было очень важным решением, в конце концов они согласились.

Больше всего нравится церковное пение

Поначалу сложнее всего ему давался русский язык.

— До сих пор трудно, — улыбается собеседник. — Первые полгода у меня было ощущение, что меня никто не понимает, да и я никого не понимал. Сейчас я учусь на первом курсе и немного подтянул русский. Но работать еще есть над чем. Мы изучаем философию и основное богословие. Преподаватели читают лекции, а мы в это время записываем конспекты, и я не всегда успеваю под диктовку.

Дмитрий рассказывает, что в России у него появились настоящие друзья. Он уже привык к обычному распорядку: в учебные дни студенты встают в 7:30 утра, в 8:00 молитва, а в 8:15 завтрак. Затем в 9:00 начинаются занятия на всех курсах академии и семинарии. Кроме того, иностранные студенты продолжают изучение

русского языка с преподавателями и занимаются этим по четыре часа в день.

— Больше всего мне нравится церковное пение, — признается мой собеседник. — Я очень люблю петь. В прошлом году в академии у меня было послушание на клиросе, в этом году я уже помогаю в алтаре в качестве иподиакона владыки ректора.

Просить помощи у Господа

С давних пор Димитрий мечтал побывать на Валааме. Еще в Индонезии он увидел видео о монастыре на Валааме и загорелся желанием побывать там.

— Фильм был на русском, я языка тогда совсем не знал, — улыбается будущий священнослужитель, — но я очень хорошо понял одно: мне просто необходимо приехать на Валаам.

Впервые он оказался на острове зимой, на Рождество. Дмитрию дали послушание работать в трапезной, хотя он всей душой хотел быть на богослужениях. И поэтому немножко расстроился.

— В конце концов Господь управил, и меня перевели на послушание алтарником в храм, где я тут же попросился на клирос, — продол-

жает он свой рассказ о паломничестве. — У меня спросили, каким голосом я пою. Я ответил, что тенором. Мы пошли к регенту, отцу Давиду. Он спросил: «Ты можешь петь на русском?» Естественно, я не мог. Но очень хотел и получил благословение.

Валаам стал для молодого индонезийца родным.

— В монастыре другой уклад жизни. Постоянный труд, который совсем не в тягость, — уверен Димитрий. — Я общался с братией, с людьми, чистыми душой, и понял, что такое благодать. Миряне, которые приезжают в монастырь, ищут здесь Христа, и я их понимаю: в таких местах Он особенно близок. На Валааме у меня уже появились друзья — знакомые монахи. Я помню, как однажды ошибся и прочитал на богослужении «Трисвятое» два раза. После службы я пошел в скит и по дороге горько плакал: «Господи, почему?! Я ведь столько раз читал эту молитву!» Один монах утешил меня, сказал, что не нужно расстраиваться, надо продолжать больше читать молитвы на церковнославянском и просить помощи у Господа.

Через какое-то время Димитрий снова приехал в любимую обитель. В дни праздника

*Студенты
в академическом
храме. Литургия
на праздник
Входа Господня
в Иерусалим*

памяти преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, он познакомился с Патриаршим Экзархом Юго-Восточной Азии, митрополитом Сингапурским и Юго-Восточно-Азиатским владыкой Сергием.

— Это было каким-то чудом. Владыка Сергий знал, что я на Валааме, и неожиданно пригласил меня. Тогда у меня еще не было подрясника, я был в грязной одежде, в которой трудился в трапезной, и очень стеснялся своего вида. Но когда я пришел на встречу, это оказалось совершенно неважным. Нам удалось поговорить, хотя на тот момент я не очень хорошо понимал русский язык. Меня переполняла радость от встречи с владыкой Сергием. Я его очень полюбил за это время. Для меня эта встреча оказалась волнительной и в то же время радостной. Позже, в храме Троицы Живоначальной в Останкино, я познакомился с епископом Джакартским, викарием Сингапурской епархии владыкой Питиримом, тогда он был еще иеромонахом. Вместе с ним и другими студентами мы посетили Оптину пустынь. Владыка Питирим очень тепло и по-отечески относился к нам, мы чувствовали его искреннюю заботу о нас в той поездке.

Настоящая свобода

После учебы Димитрий хотел бы стать священником и вернуться домой.

— По окончании академии, по милости Божией, я буду служить в Индонезии.

Но сначала я хочу примириться с родителями и дядей. Они до сих пор не приняли мой путь, а для меня очень важно, чтобы родители понимали меня.

У будущего священнослужителя есть необыкновенная мечта — он хочет построить православный монастырь в Индонезии.

— Понимаю, это не просто, — рассуждает Димитрий, — ведь я — не святой человек, тут как Бог даст. И если в обычном деле все зависит от денег, то в таком начинании все дается по молитвам. Почему я думаю, что все получится? В Индонезии люди очень хотят свободы, только понимание этого у всех разное. В Православии человек призван быть свободным от греха, вот где настоящая свобода! И сейчас я всей душой понимаю строки из Послания к Филиппийцам апостола Павла: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4, 13).

Дарья Купряхина

Фото автора и пресс-службы
Санкт-Петербургской духовной академии